

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-595-608

ПСИХОАНАЛИЗ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

А.А. Рожков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27/4, 19234, Москва, Россия

Статья посвящена восстановлению концепции природы человека в теории политического реализма. Кризис теории международных отношений на рубеже XX—XXI веков принудил последователей политического реализма пересмотреть основные идеи структурного реализма Кеннета Уолца и приступить к изучению внутригосударственных факторов мировой политики. Таким образом, ученые нуждаются в интеллектуальном основании, на фундаменте которого могут появиться новые реалистические идеи. Автор показывает, что одним из адекватных способов решения этой проблемы является возвращение к классической для реализма концепции «природы человека». В статье используется книга Роберта Шуетта «Политический реализм, Фрейд и природа человека в международных отношениях». Психоаналитическое понимание этой проблемы позволяет прояснить ключевые идеи политического реализма, в том числе экспансионистское поведение государств на мировой арене, их стремление к безопасности, а также негативное отношение реалистов к использованию универсальных ценностей в международных отношениях. Как показывает статья, ключевые авторы реализма не только находились под влиянием идей Фрейда, но и использовали его наследие для создания собственной теории. Например, представление отца-основателя политического реализма Ганса Моргентау об эгоистической сущности человека основывается на психоаналитическом понимании любовных и деструктивных стремлений. Рассуждения классических реалистов о причинах возникновения и роли национализма в формировании международных отношений также находится в тесной связи с идеями психоанализа. Представление реалистов об элитарной сущности власти практически повторяет слова Фрейда об иррациональности масс и ключевой роли просвещенных правителей.

Ключевые слова: Шуетт, Фрейд, природа человека, теория международных отношений, политический реализм, классический реализм, структурный реализм психоанализ

Концепция природы человека является одной из основ теории политического реализма. Рассуждения о природе человека и ее роли в политике мы можем встретить у всех ключевых авторов реализма. Классики политического реализма — Рейнхольд Нибул и Ганс Моргентау — не только не отказывались от этой концепции, но и ставили ее во главу своих представлений о международной политике. По их мнению, мотивы поведения государств, а именно их стремление к экспансии и могуществу, объясняются объективными законами, источники которых укоренены в человеческой природе. Английский историк Эдуард Карр полагал, что многогранная природа человека испокон веков оказывала определяющее воздействие на развитие общества: «Принуждение и совесть, враждебность и доброжелательность, самоуверенность и своеволие присутствуют в любом политическом

обществе. Государство строится на этих противоречащих друг другу аспектах человеческой природы» [5. Р. 98].

Классическое представление политических реалистов о природе человека не раз подвергалось критике за метафизичность, интуитивность и даже псевдонаучность. Джон Герц в работе «Политический реализм и политический идеализм» пытается отказаться от понятия о человеческой природе, обратившись к концепции «дилеммы безопасности». По его словам, объяснение конфликтных отношений между государствами возможно при помощи социологического анализа, в соответствии с которым любой политический актор, столкнувшись с анархичной системой, неизбежно будет сосредоточен на обеспечении своей безопасности [9. Р. 3].

Отец-основатель структурного реализма Кеннет Уолц выдвигал схожие аргументы против классического реализма: не природа человека, а анархичная система международных отношений заставляет государства бороться за собственную безопасность [18. Р. 97]. По его словам, обращение к таким понятиям, как природа человека, сталкивает нас с проблемой редукционизма, а значит отходом от изучения самой системы международных отношений.

Крушение Советского Союза, исчезновение биполярной системы международных отношений, а также глобализация мировой экономики [7. Р. 3] нанесли удар не только по теории структурного реализма, но и вообще по всем теориям международных отношений [2]. По словам профессора Йельского университета Джона Льюиса Гэддиаса: «Все существовавшие теории международных отношений оказались столь же „полезными“ в предсказании основных событий мировой политики после окончания Второй мировой войны, как гадание по звездам, по внутренностям животных и прочие подобные методы» [6. Р. 18].

Вместе с распространением рыночной экономики менялось отношение к роли государства в системе международных отношений: согласно господствующему либеральному подходу, государства способны сохранить стабильность мировой безопасности, защищая экономические интересы участников глобального рынка.

Одной из основ либерального взгляда на общественные отношения стала теория рационального выбора, в соответствии с которой индивид стремится к максимизации прибыли. По мнению реалистов, этот подход также опирается на концепцию человеческой природы — *homo economicus* [17. Р. 211]. Распространение этого взгляда на поведение человека Роберт Гилпин назвал «экономическим империализмом» и настаивал на том, что далеко не все общественные отношения можно объяснить с помощью теории рационального выбора [7. Р. 39].

Масштабные исторические изменения, а также смена экономической парадигмы повлияли на развитие теории политического реализма. Несмотря на то, что большинство представителей этого течения не отказались от структурного подхода Кеннета Уолца, дополнительному осмыслению подверглись базовые понятия реализма: стремление государств к обеспечению безопасности и могуществу. Цель некоторых государств не обязательно связана с обеспечением максимальной безопасности. Напротив, достижение относительного могущества позволяет государствам решать задачи, выходящие за узкие рамки проблем безопасности

[16. Р. 23—24]. Например, Роберт Гилпин предложил новый подход, в соответствии с которым поведение государств на международной арене зависит от их места в «иерархии престижа». Стремление к престижу, а не к могуществу и безопасности является главной «валютой» в международных отношениях [8. Р. 31].

Таким образом, политические реалисты нуждаются в новом теоретическом основании, способном объяснить влияние неструктурных факторов на развитие международных отношений. По нашему мнению, одним из адекватных способов решения этой проблемы является возвращение к классической для реализма концепции природы человека. Интерес к этой теме вновь появляется в работах исследователей реализма: сборник «Реализм и мировая политика», вышедший в 2010 году, содержит блок, в котором трое авторов (Нета Крофорд, Крис Браун, Жан Бетк Элштейн) пытаются осмыслить проблему природы человека, опираясь на достижения современной гуманитарной и естественной науки. Одним из наиболее интересных исследований в этой области мы считаем работу профессора Дурхамского университета, доктора философских наук Роберта Шуетта «Политический реализм, Фрейд и природа человека в международных отношениях». В своем тексте он не только сумел показать необходимость возвращения к классической для реализма концепции, но и продемонстрировал тесную связь между различными подходами политических реалистов и психоаналитическим учением Зигмунда Фрейда, его пониманием подлинных мотивов человеческого, группового и государственного поведения. Шуетт не отрицает того, что психоаналитическое понимание природы человека не является единственным подходом, способным адекватно объяснить основные идеи реализма. Тем не менее, в свете эффективности психоанализа, именно этот способ может оказаться наиболее плодотворным.

1.

Основной задачей работы Роберта Шуетта «Политический реализм, Фрейд и природа человека в международных отношениях» является не соединение концептуальных основ реализма и психоанализа, а восстановление понятия природы человека в теории международных отношений [17. Р. 1]. Шуетт критикует сторонников структурного реализма за то, что они отрицают необходимость использования понятия природы человека и считают ее «умершей». Проведя исследование основных авторов реализма: Ганса Моргентау, Эдуарда Карра, Рейнхольда Нибура, Джона Герца, Мортон Каплана, Кеннета Уолца, Джона Миршаймера, а также представителей неоклассического реализма, Шуетт приходит к выводу, что все они тем или иным образом использовали реалистическое представление о природе человека. Более того, он утверждает, что во всех указанных случаях ученые косвенно использовали именно фрейдистское понимание этой проблемы.

Концепция природы человека в реализме не только не умерла, но и требует своего восстановления. Кризис теории международных отношений и последовавший за ним поиск новых неструктурных, внутригосударственных факторов

мировой политики подтверждает правильность этого намерения. Многогранность мотивов государственного поведения требует дополнительной рефлексии, которая не должна подрывать основ реализма. Напротив, интеллектуальное основание в форме психоанализа должно создать почву для появления новых реалистических идей. Для подтверждения своей позиции Роберт Шуетт использует слова известного неореалиста Рандалла Швеллера: «Независимо от того, как мы будем общаться друг с другом в будущем, я не могу себе представить, что на протяжении моей жизни человеческая природа резко изменится» [17. Р. 4].

Политический реализм не является единым течением. Со времен Ганса Моргентау он обогатился множеством направлений. Тем не менее, демонстрация эффективности использования психоанализа в реалистической теории требует очерчения его концептуальных границ. Шуетт выделяет несколько основных принципов, которые, по его мнению, являются общими для всех реалистов [17. Р. 173].

Первым и наиболее фундаментальным принципом политического реализма, согласно Роберту Шуетту, является убежденность в том, что источником всех общественных законов являются силы, укорененные в природе человека. Несмотря на серьезные разногласия в общей методологии, большинство реалистов соглашались с тем, что основным двигателем человеческой истории является стремление к могуществу.

«Главным указателем, который помогает политическому реализму найти свой путь сквозь ландшафт международной политики, является концепция интереса, выраженная в понятиях власти. Эта концепция <...> определяет политику в качестве автономной сферы действий, отличающейся от экономики (определяемой с точки зрения интересов, и богатства), этики, эстетики или религии. Без этого <...> мы не могли бы различать политические и неполитические факты» [12. Р. 5].

Таким образом, любая политическая теория, независимо от того, направлена она на внутреннюю или внешнюю арену, связана с одним и тем же универсальным человеческим и социальным феноменом: «борьбой за власть или стремлением к ее распределению».

Второй принцип политического реализма основывается на убеждении в том, что стремление к безопасности и могуществу являются главными целями государств. Именно государства, а не отдельные индивиды становятся акторами международных отношений.

Политический реализм подчеркивает силу национализма и групповых привязанностей. В отличие от либеральной теории, реалисты не изучают человека в качестве обособленного индивида. Человек — своеобразный вид стадного животного, который способен существовать только в политическом или социальном контексте. Человеческие привязанности можно представить в виде концентрических кругов, начинающихся с нуклеарных семей и заканчивающихся группами с особыми интересами. Именно политические сообщества, а не индивиды являются главными участниками общественных отношений.

Объединенные по принципу политических привязанностей социальные группы образуют государства. В конечном счете именно эти социальные группы

становятся основными акторами мировой политики. Государства вступают друг с другом в силовое противоборство, желая реализовать собственные интересы. Таким образом, международные отношения всегда анархичны, конфликтны, основаны скорее на балансе сил, чем на формировании универсальных ценностей, моральных и правовых норм.

Третьим отличительным принципом политического реализма является скептическое отношение к регулирующей функции универсальных ценностей и идеологий. Программа внешней политики должна основываться не на требованиях норм: неважно являются они моральными, религиозными или правовыми. В первую очередь внешняя политика должна гарантировать безопасность, сохранность национальных интересов государства.

Критическое отношение к идеологиям имеет и обратную сторону. Дело в том, что само мировоззрение реализма часто рассматривается в качестве определенной идеологии. Например, реалистов часто сближают со сторонниками консервативной мысли, хотя это далеко не всегда так. Реализм в первую очередь интересуют не идеологии, а проблемы, с которыми государства неизбежно сталкиваются на международной арене. Реалистов нельзя назвать ни левыми, ни правыми, ни умеренными прогрессистами, ни ограниченными пессимистами. Концепция человеческой природы Фрейда, отмечает Шуетт, как раз и позволяет разобраться с тем, что на самом деле значит быть подлинным реалистом [17. Р. 214].

2.

В соответствии с первым и наиболее фундаментальным принципом реализма человек является источником конфликтных отношений между государствами в международных отношениях. Природа человека, полагал отец-основатель политического реализма Ганс Моргентау, не менялась со времен философии Древней Греции, Индии и Китая [12. Р. 4]. По мнению Моргентау, человек подвержен воздействию множества сил, главными из которых являются «стремление к жизни, размножению и доминированию» [17. Р. 23]. Это качество присуще всем людям, а не только политикам и государственным деятелям.

Стремление человека к доминированию или неограниченной экспансии воплотилось в классической для реализма концепции *animus dominandi*. Присущая человеку воля к доминированию может восприниматься как свидетельство его эгоизма, хотя это совсем не так. Согласно Гансу Моргентау подлинный эгоизм выражается в стремлении человека к самосохранению: борьбу за еду, кров и безопасность. В то же время эгоизм человека не тождественен стремлению к комфорту. Основной целью человека при самосохранении является выживание.

Самосохранение и стремление к доминированию представляют собой различные силы. Воля к доминированию, по словам Моргентау, «сосредоточена не на индивидуальном выживании, а на желании занять достойное место в кругу товарищей, как только собственное выживание будет обеспечено». Принадлежность человека к *animus dominandi* предрасполагает его к борьбе за власть, власть ради самой власти.

По словам Шуетта, концепция Моргентау схожа с фрейдовской концепцией сексуальных влечений. Более того, отец-основатель политического реализма использовал идеи психоанализа в своем раннем эссе «О выводах политического из природы человека», а также в работе «Любовь и власть» [14. Р. 247—251]. Проанализировав оба текста, Роберт Шуетт приходит к выводу о том, что сформулированные Моргентау понятия «самосохранения» и «*animus dominandi*» представляют собой завуалированные определения фрейдовских эго и сексуальных инстинктов.

«Если стремление к сохранению своей жизни (инстинкт самосохранения) возникает из-за недостатка, то есть, образно говоря, голода ребенка — он стремится компенсировать недостаток энергии. То стремление освободиться от излишка энергии проявляется опять-таки метафорически, в наиболее характерных проявлениях любви. Появление любви соответствует как в более узком физиологическом смысле, так и в более всеобъемлющем значении Эроса — стремлению к самоутверждению» [15. Р. 4—5].

Моргентау использует психоаналитическое понятие Эроса, которое, как мы знаем, выражается не только в сексуальных влечениях, но и в стремлении к любви и продолжении жизни. Согласно Фрейду Эрос проявляется в желании «собрать сначала отдельных индивидов, затем семьи, племена, народы, нации в одно большое целое, в единство человечества» [3. С. 249].

Эгоистическая сторона человеческой природы искажает стремление к единению и любви. Чрезмерная или, выражаясь языком психоанализа, нарциссическое самолюбие является следствием отсутствия способности к реализации нормальной любви. Сила становится основным принципом взаимоотношений. Она идет рука об руку с желанием человека удовлетворить свои сексуальные потребности. Более того, сила — это всего лишь грубый способ удовлетворить сексуальное желание. «Эрос призывает человечество к объединению, а власть выступает в качестве средства» [17. Р. 29]. Отец-основатель классического реализма во многом согласен с позицией Фрейда. Моргентау утверждает, что любой поиск власти в конечном счете и по сути является «бесплодным поиском любви», что любые властные отношения представляют собой «расстроенные отношения любви» [14. Р. 250].

Психоаналитическая основа реалистического понимания *animus dominandi* позволит нам разобраться в эмоционально перегруженных и во многом иррациональных понятиях «силы», «отваги» и «триумфа». Желание человека господствовать над другими людьми представляет собой искаженную реализацию стремления к любви. Человек достигает своего места в обществе, не только не отказавшись от своего нарциссического образа, но и сделав его доминирующим. Сочетание этих психологических процессов создает иллюзию победы над потерпевшими поражение врагами и наполняет человека противоречивым ощущением счастья. Повышение количества возбуждения в свою очередь провоцирует нарастание тревоги и потребность дальнейшего самоутверждения. В конце концов, человеку не остается ничего, кроме как перманентно осуществлять экспансию и стремиться к господству.

3.

Психоанализ позволяет объяснить второй принцип политического реализма, согласно которому государства в первую очередь хотят обеспечить свою безопасность и усилить могущество. Кроме того, он поможет понять, почему не отдельный индивид, а именно человеческая масса в форме государства является главным актором в международных отношениях.

Стремление человека к участию в общественных группах подчеркивалось целым рядом политических реалистов, в том числе такими людьми, как Джордж Кеннан, Уолтер Липпман и Рейнхольд Нибур. Так, по мнению Кеннана, националистические настроения являются последовательной и «всеобщей потребностью людей чувствовать себя частью чего-то большего, чем они сами, и большего, чем их семьи» [10. Р. 74] Липпман усматривает корни национализма в инфантильной потребности человека отождествлять свои желания с нуждами государства. По его словам, подобное отношение к стране обусловлено детскими воспоминаниями, в которых удовлетворения своих потребностей тесно связано с образом родины [11. Р. 60]. Рейнхольд Нибур воспроизводит близкое к психоанализу описание групповой психологии, согласно которой массовые интересы выражают нарциссические желания отдельного человека, которые он не может реализовать в обыденной жизни.

Согласно психоаналитическому подходу, человек в значительной, но не в абсолютной степени стремиться к самосохранению. Желание избежать боли и, в конце концов, достичь безопасности подталкивает человека к поиску структуры, которая может отождествляться с защитой. Таким образом он может стать участником массовых групп. Образующаяся вследствие идентификации с остальными членами группы либидионная структура не только ослабляет психическое напряжение, но и создает у человека иллюзию сохранности. Кроме того, как отмечает Фрейд, отношения членов группы начинают строиться на принципах равенства и справедливости по отношению к избранному ими «я-идеалу».

По мнению Шуетта, этот вывод напоминает гоббсовское объяснение формирования Левиафана [17. Р. 70]. Человеческое общество не может нормально развиваться в условиях «войны всех против всех», поэтому оно вынуждено отказаться от права сильнейшего и передать его в руки государства. Большинство отдает предпочтение порядку, в соответствии с которым правом легитимного насилия пользуется не физически сильный, а справедливый. Таким образом, фрейдистский подход к изучению психологии масс позволяет найти источник такого понятия, как «справедливость».

Стремление человека к формированию групп обусловлено не только желанием избежать боли, но также потребностью в реализации своих сексуальных влечений — Эросу. Движимый либидо, человек в фрейдистском понимании желает создать сообщество, в котором он мог бы быть любимым. Человек исповедует «стиль жизни, который делает любовь центром всего, что кажется пригодным для удовлетворения желания любить и быть любимым» [3. С. 213].

Фрейд показывает, что человеческие отношения строятся не только на взаимном притяжении, но также на «чувствах отвращения и враждебности» [3. С. 58].

Потребность в эмоциональной привязанности сопровождается усилением нарциссизма, что в свою очередь приводит к обострению отношений между людьми. Подлинная трагедия человечества заключается в том, что социальные и политические усилия, направленные на устранение напряженности, преобладающей в политических сообществах, подразумевают почти неизменно усиливающуюся и ухудшающуюся напряженность между этими сообществами, а также борьбу с теми, кто находится вне политической группы [17. Р. 188].

Роберт Шуетт проводит параллель между представлением неореализма о безопасности и учением Зигмунда Фрейда о стремлении к самосохранению. Психоаналитическое исследование поведения, а точнее его теория эгоистических инстинктов (стремление к безопасности) и сексуальных инстинктов (стремление к гегемонии) позволяет нам разобраться в реалистическом понимании не только человеческого, но и государственного поведения.

Конфликтность международных отношений объясняется именно этой амбивалентной сущностью человеческой природы: стремлением к самохранению и стремлением к любви. Человек вынужден справляться с двумя взаимоисключающими инстинктами: желанием быть вместе с другими и неспособностью переносить чью-то близость в течение долгого времени. Роберт Шуетт прибегает к позднему фрейдовскому пониманию стремления к смерти — Танатосу. Конфликтность международных отношений объясняется столкновением двух тенденций в человеке: хотя Эрос стремится к жизни и любви, Танатос склоняет человека к ненависти, агрессии, смерти. Цель Танатоса — «обеспечить это удовлетворение его жизненных потребностей (самосохранения) и контроля над природой».

Начиная с работы Джона Герца «Политический реализм и политический идеализм», проблема безопасности стала ключевой темой для теории международных отношений. В соответствии с его подходом внешнеполитическая активность государств неизбежно сопровождается поиском безопасности. Нарастание военной мощи является ответом на международные угрозы: участники межгосударственных отношений, заметившие рост военной мощи своего потенциального соперника, будут вынуждены усиливать свои позиции. Таким образом образуется порочный круг «дилеммы безопасности».

Исследование проблемы безопасности становится исходной точкой в теоретической работе структурного реалиста Кеннета Уолца. Его подход основан на концепции самодовлеющей роли международной системы в формировании межгосударственных отношений. Международная анархическая система воздействует на выбор государственных решений во внешней политике, при том, что основной целью стран является выживание. Несмотря на то, что по словам самого Уолца, он не использовал понятие природы человека в своей теории, Шуетт демонстрирует взаимосвязь между психоанализом и структурным реализмом [17. Р. 85].

Отец-основатель структурного реализма не раз обращается к так называемой «гордости» государств [19. Р. 60]. Граждане процветающей страны могут быть не довольны тем, какое место занимает их государство в системе международных отношений. Они будут требовать от своего правительства занять более выгодное положение, что в конце концов приведет к столкновению национальных интересов на мировой арене.

«Когда страна получает меньше внимания и уважения и получает меньше того, чего она заслуживает, международный запрет на превращение в великую державу, скорее всего, обернется публичной критикой правительства за то, что оно не занимает достойного места в мире. Гордость не знает национальности» [19. Р. 60].

Использование такого понятия, как «гордость», а также стремление граждан страны к достойному месту в мире роднит теорию Уолца с концепцией «*animus dominandi*» Моргантау [17. Р. 90]. Шуетт полагает, что оба отца-основателя реализма прибегают к психоаналитическому пониманию природы человека, согласно которому психика регулируется двумя уже известными нам качествами: стремлением к самосохранению и удовольствию.

По мнению Шуетта, когда Уолц критикует оптимистов, полагающих, что развитие цивилизации приведет к стабилизации международных отношений, он также опирается на фрейдизм [17. Р. 205]. Отец-основатель структурного реализма не разделял надежд на умиротворяющее воздействие экономических, демократических и образовательных институтов. По его словам, должно смениться несколько поколений, прежде чем человечество ощутит на себе их влияние. Культура так медленно перевоспитывает людей, что ее работу можно сравнить с перемалыванием зерна на мельницах: прежде чем мука будет готова, ожидающие ее селяне умрут от голода.

Таким образом, по словам Роберта Шуетта, мы приходим к депрессивному, но реалистическому выводу о том, что стремление государств к безопасности связано с обострением отношений и борьбой за гегемонию. Проблему этого парадокса можно только смягчить, но никогда нельзя решить окончательно. Соблюденный баланс противоречивых сил, тем не менее, подводит нас к одной из ключевых мыслей политического реализма, а именно: неизбежности международных конфликтов.

Осознание неизбежности международных конфликтов в качестве определенной данности позволит нам если не существенно снизить международную напряженность, то, по крайней мере, не допустить скатывание мировых отношений в состояние перманентной войны. Человек должен осознать свои желания, пропустив их через принцип реальности. Этого же должны добиться и отдельные государства, принципом реальности для которых являются требования национальной безопасности и интересов. Эти требования, приводит слова Фрейда Роберт Шуетт, является общими для всех стран и цивилизаций [17. Р. 221].

4.

Психоанализ Фрейда позволяет разобраться в двух важнейших основаниях реализма: его элитарности, а также в отказе от регулятивных функций универсальных моральных ценностей. В конце концов эти понятия воплощаются в ограничениях, с которыми вынуждены сталкиваться политики на международной арене. Если говорить более абстрактно, то этот дуализм воплощается в противопоставлении реализма и идеализма, реальности и утопии, пессимизма и оптимизма.

По мнению Шуетта, логика реалистов достаточно прямолинейна: конфликтный человек создает конфликтные политические сообщества, которые в свою очередь порождают конфликтные международные отношения. В свете психоаналитического понимания человеческой природы, иррационального поведения политических сообществ и международных «джунглей», важнейшей задачей политических реалистов остается вопрос о том, кто должен формулировать программу внешней политики.

Политические реалисты приходят к элитарному выводу: иррациональные массы должны быть отстранены от управления внешней политикой [17. Р. 197]. Ошибкой государственных деятелей, по словам Ганса Моргентау, является их чрезмерная уступчивость. Идя на поводу у иррациональных масс, они отказываются от важнейших качеств политической деятельности: рассудительности и способности к разумному компромиссу. «Правительство должно быть лидером общественного мнения, а не его рабом» [12. Р. 547], считал отец-основатель политического реализма, возводя эту максиму в одно из важнейших правил ведения дипломатии. Государственный деятель должен соблюдать «разумный баланс» между правилами эффективной внешней политики и требованиями масс. «Одним словом, он должен вести», — приходит к заключению Ганс Моргентау.

Мировоззрение реализма тесно связано элитарным представлением о природе власти. Необузданная, иррациональная масса должна быть управляема просвещенным, рациональным государственным лидером. Фрейд имел аналогичный взгляд на эту проблему и попросту делил людей на тех, кто подчиняется, и тех, кто правит [3. С. 277].

Фрейд, как и большинство политических реалистов, не верил в универсальные ценности. Его критика политической программы Вудро Вильсона чрезвычайно схожа с мнением реалистов, упрекавших американского президента за его приверженность либеральному утопизму. Универсальные моральные ценности часто используются неразумными массами для реализации невозможных требований [17. Р. 200]. Общественное мнение, как полагают большинство политических реалистов, является слишком иррациональным, слишком эмоциональным, недальновидным, манипулируемым, моралистичным и бескомпромиссным — в общем и целом оно скорее мешает, чем помогает вести эффективную внешнеполитическую деятельность.

Мораль и универсальные ценности никогда не рассматривались реалистами в качестве эффективных политических механизмов. Более того, моралисты издревле были идейными противниками политических реалистов. Государственный деятель должен в первую очередь руководствоваться требованиями национальных интересов, а не моральными рассуждениями, полагают реалисты.

«Прежде всего, всегда помните, что это не только политическая необходимость, но и моральный долг нации следовать в ее отношениях с другими нациями единственной руководящей звездой, одним стандартом мысли, одним правилом для действий: национальными интересами» [13. Р. 242].

Психоаналитическое учение о «я-идеале» позволит политическим реалистам получить интеллектуальную основу для борьбы со сторонниками универсальных

ценностей. Согласно отцу-основателю психоанализа, мораль представляет собой проекцию родительского отношения к человеку в период его взросления и вместе с тем влияние окружающего общества. Говоря конкретнее, соблюдение моральных норм ассоциируется у человека с детскими переживаниями родительского поощрения и наказания. Детские травмы способствуют дестраиванию образа «я-идеала», что в свою очередь препятствует человеческой спонтанности. Чрезмерное следование моральным ценностям зачастую выражается в невозможности адекватно реализовать вытесненные под воздействием травм детские переживания.

Последствия психоаналитического понимания происхождения морали важны сразу с нескольких аспектов: во-первых, он ограждает нас от чрезмерного влияния морального универсализма. Фрейд говорит нам, что основанная на универсальных ценностях презумпция «морального мирового порядка» является не более чем «благочестивой иллюзией» [17. Р. 204]. Подход Фрейда позволяет отойти от метафизических и мистических концепций всеобщей морали в сторону исторического взгляда, в котором главными участниками являются лидеры и возглавляемые ими группы.

Во-вторых, концепция Фрейда позволяет не впасть в излишний иррационализм и фатализм. Как отмечал Моргентау, с рациональной точки зрения реализм нельзя назвать оптимистичным: несовершенство системы международных отношений является одной из аксиом политического реализма. Однако вместе с тем несовершенство международных отношений вовсе не означает отказ от рационального управления. Напротив, государство и государственные лидеры, подобно психологической структуре эго, должны быть не рабами, а господами иррационального поведения масс. Несмотря на то, что Фрейд уделял огромное значение бессознательным мотивам человеческого поведения, он в первую очередь был именно рационалистом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстановление концепции природы человека в политическом реализме не только позволяет прояснить множество неточностей, но и закладывает основу для появления новых идей реализма. Ученые могут отказаться от метафизических интерпретаций природы человека, вернув эту концепцию в лоно строгой научной дискуссии. Благодаря психоанализу они получают надежный инструмент изучения человеческого и государственного поведения во всем многообразии их противоречивой деятельности.

Дополнение структурного реализма понятием природы человека, на наш взгляд, приводит не к редуccionизму и отходу от полноценного изучения международных отношений. Напротив, концепция природы человека наполняет структурный реализм содержанием, позволяющим определить источник стремления государств к безопасности, могуществу и международному престижу. Кроме того, восстановление понятия природы человека позволяет подобрать ключ к определению важнейшей концепции политического реализма — концепции национальных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Вебер М. Власть и политика. М.: Рипол классик, 2017. 432 с.
- [2] Победаш Д.И. Эволюция американского политического реализма как метода исследования международных отношений: дис. ... канд. историч. наук. Урал. гос. университет им. А.М. Горького Екатеринбург, 2007.
- [3] Фрейд З. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: Фирма СТД, 2001. 606 с.
- [4] Booth K. Realism and World Politics. NY.: Routledge, 2001. 346 p.
- [5] Carr E.H. The Twenty Years' Crisis. L.: The Macmillan press ltd, 1981. 244 p.
- [6] Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War // International Security. Winter, 1992—1993. Vol. 17. № 3.
- [7] Gilpin R. Global Political Economy // Understanding the International Economic Order. P.: Princeton University Press, 2001. 248 p.
- [8] Gilpin R. War and Change in World Politics. C.: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- [9] Herz J.H. Political Realism and Political Idealism. C.: University of Chicago Press, 1951. 275 p.
- [10] Kennan G.F. Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy. NY.: Norton & Company, 1993. 272 p.
- [11] Lippmann W. The Stakes of Diplomacy. New Brunswick, NJ: Transaction, 2008. 244 p.
- [12] Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. NY.: Alfred A. Knopf, 1955. 515 p.
- [13] Morgenthau H.J. In Defense of the National Interest. NY.: Alfred A. Knopf, 1951. 283 p.
- [14] Morgenthau H.J. Public Affairs: Love and Power. Commentary, 1962. P. 247—251.
- [15] Morgenthau H.J. On the Derivation of the Political from the Nature of Man. Unpublished Manuscript [The Papers of Hans J. Morgenthau, Manuscript Division, Library of Congress, Washington, D.C., Box 151 (copy on file with the author, 1930)].
- [16] Schweller R.L., Priess D.A Tale of Two Realisms: Expanding the Institutions Debate // Mershon International Studies Review — 1997. P. 1—32.
- [17] Schuett R. Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations. D.: University of Durham School of Government and International Affairs, 2009. 260 p.
- [18] Waltz K.N. Theory of international Politics. B.: University of California, 1979. 251 p.
- [19] Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics // International Security. 1993. Vol. 18. № 2. P. 44—79.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-4-595-608

PSYCHOANALYSIS AND RESTORATION OF THE CONCEPT OF HUMAN NATURE IN POLITICAL REALISM

A.A. Rozhkov

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy prosp., 27/4., 19234, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the restoration of the concept of human nature in the theory of political realism. The crisis of theory of international relations at the turn of the 20th and 21st centuries forced the followers of political realism to reconsider the main ideas of the structural realism of Kenneth Waltz and to begin to study the internal factors of world politics. Thus, scientists need an intellectual basis, on the foundation of which new realistic ideas could appear. The author shows, that some adequate ways

to solve this problem is to return to the classical concept of “human nature”. The article uses Robert Schuett's book “Political Realism, Freud and Human Nature in International Relations”. Psychoanalytic understanding of this problem makes it possible to clarify key ideas of political realism, including the expansionist behavior of states on the world stage, their desire for security, and the negative attitude of realists towards the use of universal values in international relations. As shown in the article, the key authors of realism were not only influenced by Freud's ideas, but also used his legacy to create their own theory. For example, the idea of the founding father of political realism Hans Morgenthau about the egoistic nature of man is based on the psychoanalytic understanding of love and destructive aspirations. The reasoning of classical realists about the causes and role of nationalism in the formation of international relations is also in close connection with ideas of psychoanalysis. Representation of realists about the elitist essence of power practically repeats Freud's words about the irrationality of the masses and the key role of enlightened rulers.

Key words: Schuett, Freud, human nature, the theory of international relations, political realism, classical realism, structural realism, psychoanalysis

REFERENCES

- [1] Weber M. *Vlast' i politika* [Power and Politics]. Moscow: Ripol classic; 2017. 432 p. (In Russ.).
- [2] Pobedash D.I. *EHvolyuiciya amerikanskogo politicheskogo realizma kak metoda issledovaniya mezhdunarodnyh otnoshenij: dis. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Ural. gos. universitet im. A.M. Gor'kogo* [Evolution of American Political Realism as a Method of Studying International Relations: Diss. for PhD of Historical Sciences. The Urals. State. University of A.M. Gorky]. Ekaterinburg; 2007 (In Russ.).
- [3] Freud S. *Voprosy obshchestva. Proiskhozhdenie religii* [Questions of Society. Origin of religion]. Moscow: The company STD; 2001. 606 p. (In Russ.).
- [4] Booth K. *Realism and World Politics*. NY.: Routledge; 2001. 346 p.
- [5] Carr E.H. *The Twenty Years' Crisis*. L.: The Macmillan Press Ltd; 1981. 244 p.
- [6] Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War. *International Security*. Winter, 1992—1993; Vol. 17; 3: 5—58.
- [7] Gilpin R. *Global Political Economy. Understanding the International Economic Order*. P.: Princeton University Press; 2001. 248 p.
- [8] Gilpin R. *War and Change in World Politics*. C.: Cambridge University Press; 1981. 272 p.
- [9] Herz J.H. *Political Realism and Political Idealism*. C.: University of Chicago Press; 1951. 275 p.
- [10] Kennan G.F. *Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy*. NY.: Norton & Company; 1993. 272 p.
- [11] Lippmann W. *The Stakes of Diplomacy*. New Brunswick, NJ: Transaction; 2008. 244 p.
- [12] Morgenthau H.J. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. NY.: Alfred A. Knopf; 1955. 515 p.
- [13] Morgenthau H J. *In Defense of the National Interest*. NY.: Alfred A. Knopf; 1951. 283 p.
- [14] *Morgenthau H.J. Public Affairs: Love and Power*. Commentary, 1962: 247—251.
- [15] Morgenthau H.J. *On the Derivation of the Political from the Nature of Man*. Unpublished Manuscript [The Papers of Hans J. Morgenthau, Manuscript Division, Library of Congress, Washington, D.C., Box 151 (copy on file with the author, 1930)].
- [16] Schweller R.L., Priess D.A Tale of Two Realisms: Expanding the Institutions Debate. *Mershon International Studies Review*. 1997: 1—32.
- [17] Schuett R. *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations*. D.: University of Durham School of Government and International Affairs; 2009. 260 p.
- [18] Waltz K.N. *Theory of international Politics*. B.: University of California; 1979. 251 p.
- [19] Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics. *International Security*. 1993; Vol. 18; 2: 44—79.

Сведения об авторе:

Рожков Александр Алексеевич — аспирант кафедры философии политики и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0001-6735-7686) (e-mail: Rozhkov1922@mail.ru).

Information about the author:

Rozhkov Aleksandr Alekseevich — Postgraduate Student of Philosophy of Politics and Law Department, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-6735-7686) (e-mail: Rozhkov1922@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 01.09.2018.

Received 01.09.2018.

© Рожков А.А., 2018.